

УДК 903'1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КАЛЬЦИТА НА ЕВРОПЕЙСКИХ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПЕЩЕРНЫХ ПАМЯТНИКАХ С НАСТЕННЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ¹

В. С. Житенев

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1
masober@mail.ru

Рассматриваются варианты использования кальцитовых натечков в пещерах с настенными изображениями верхнего палеолита Франко-Кантабрии и Южного Урала (Капова пещера). Представлены примеры основных направлений применения разных видов натечков в символической и художественной деятельности человека. Особое внимание уделяется практикам использования фрагментов сбитых кальцитовых натечков, обнаруженных на полу пещер или в культурных слоях. Обсуждается вопрос проведения комплексных культурных аналогий между использованием кальцитовых натечков на верхнепалеолитических памятниках и образцами монументального искусства Европы.

Ключевые слова: верхний палеолит, пещерное искусство, кальцитовые натечки, Франко-Кантабрия, Капова пещера.

Натечные кальцитовые образования², являющиеся одними из наиболее ярких украшений подземных полостей, привлекали человека с древности. Особенно отчетливо это видно в пещерах с настенными изображениями эпохи верхнего палеолита.

К сожалению, рыхлые отложения подобных памятников во франко-кантабрийской зоне развития палеолитического монументального искусства в последние десятилетия изучаются крайне редко. Среди причин этого можно назвать активное исследование этих отложений в начале XX в., которое проводилось по большей части в связи со случайным открытием пещер любителями, не имевшими понятия об археологических методиках изучения такого рода памятников. Вследствие этого сегодня трудно найти нетронутые участки рыхлых отложений со следами антропогенной деятельности [Mélard et al., 2010]. К счастью, на территории нашей страны, на Южном Урале, где сосредоточены пещеры с настенными изображениями, ситуация гораздо более благоприятная [Бадер, 1965; Житенев, 2012; Щелинский, 1996].

Изучение использования разных форм кальцитовых натечков палеолитическим человеком имеет большое значение для расширения наших представлений о деятельности людей, живущих в пещерах с красочными изображениями. Сегодня мы крайне мало знаем о практиках человека в верхнем палеолите, за исключением факта нанесения рисунков на стены пещер. Поэтому одной из целей подобного исследования служит выявление следов деятельности как до, так и во время и после создания рисунков. При этом необходимо избегать популярной интерпретации следов деятельности человека исключительно в культовой и ритуальной плоскости [Pigeaud, 2007].

Разнообразие подходов к использованию различных форм кальцитовых натечков (сталактиты, сталагмиты, натечные коры, мондмилх и т.д.) свидетельствует о глубоком знании палеолитическим человеком их основных, в том числе механических, свойств и пристальном внимании к этим хемогенным образованиям. Начиная с раннего верхнего палеолита некоторые формы кальцитовых натечков применялись для изготовления украшений. Подобные изделия обнаружены, например, в пещерах Истюриц, слое 4d (проториньяк), Брассампуй, гроте Гиен (развитый ориньяк), и т.д. [White, 2007]. Известны и произведения искусства малых форм, сделанные из кальцита, например, палеолитические Венеры или плитки с гравировками (Абрамова, 2010; Bégouën et al., 2009; Ontañon, Arias, 2012).

В большом количестве пещер монументальные изображения наносились непосредственно на кальцитовые корочки или наносились, прочерчивались и отпечатывались на мондмилхе [Clottes et al., 2005a]. При этом нет данных о том, насколько выбор поверхности стены, покрытой кальцитом, был осознанным, тем более что в ряде карстовых полостей значительная часть стен из-за спелеоклиматических особенностей так или иначе уже была затянута кальцитом. Вероятно, палеолитиче-

ские художники выбирали место для рисунков, исходя из целого ряда параметров, и наличие или отсутствие кальцитовых корочки не всегда было решающим аргументом.

С другой стороны, на разных памятниках зафиксировано использование кальцитовых натеков, являющихся самостоятельными частями изображений. Так, в пещере Вильоннёр над погребением граветтийского возраста расположен натек в форме ниспадающих волос (в виде каре), обрамляющих лицо, которое выполнено скупым рядом штрихов [Clottes, 2008, p. 72–73]. В пещере Тюк-д'Одубер известны натёки зооморфного вида, дополненные лаконичными точками и линиями так, чтобы подчеркнуть естественный образ зверя [Bégouën et al., 2009].

Крупные сталактиты и сталагмиты в ряде пещер использовались в качестве основы для нанесения фигурных или абстрактных изображений. Например, в пещере Тито Бустийо зафиксировано изображение красочного антропоморфа, выполненное на сталактите. Здесь же обнаружен полностью окрашенный сталактит в виде пениса (?) [Balbín Behrmann et al., 2002, p. 593]. Окрашенные сталагмиты найдены рядом с остатками конструкций из камня и натеков в пещере Ла Гарма, в Нижней галерее (Зона IV) [Ontañon, Arias, 2012].

В пещере Коске часть рисунков нанесена на сталактиты и сталагмиты. На некоторых сталактитах и кальцитовых драпировках представлены негативные отпечатки рук. Однако большинство изображений, зафиксированных на сталактитах, сталагмитах и сталагнатах, – это разнообразные геометрические знаки, выполненные черным пигментом. Фигуры, прочерченные по мондмилху, представляют собой как знаки, так и разнообразные зооморфные образы [Clottes et al., 2005a].

Необходимо отметить, что изображения на сталактитах, сталагмитах и сталагнатах, выделяющихся среди кальцитового убранства залов карстовых полостей, встречаются достаточно часто [Clottes, 2008]. Одним из наиболее интересных является небольшой зал Антилоп в Ле Комбель (особом отделе пещеры Пеш-Мерль). Здесь на одной стене представлено панно с рисунками носорога, антилоп, кошачьих и геометрических знаков в виде точек. На противоположенной, перекрытой кальцитовыми натеками разной генерации, находится антропоморфное (женское?) изображение, рядом с которым на двух гигантских колоннах сталагнатов (частично заполированных) зафиксированы очень большие красные точки (пятна) охры. Возможно, точки не были созданы одновременно и систематически подновлялись, что было частью церемонии, в ходе которой охру регулярно добавляли каждый раз, с определенным интервалом. Иначе трудно понять смысл их поистине гигантских размеров, мощности слоя охры и нечеткости контура. Вдобавок, из 40 сталактитов в форме женской груди, свисающих с потолка, 10 в нижней части были преднамеренно окрашены черным пигментом [Lemozi, 1952, p. 323].

Кроме того, в зале Осуарий в Пеш-Мерль на мощных кальцитовых натеках зафиксированы выгравированные разнонаправленные линии, которые, судя по ряду признаков, были сделаны юными верхнепалеолитическими посетителями пещеры.

Таким образом, применение сталактитов и сталагмитов как основы для нанесения рисунков в пещерах Франко-Кантабрии является одной из составляющих широко известного приема в монументальном палеолитическом искусстве, который состоит в использовании особенностей топографии и рельефа карстовых полостей при создании изобразительных ансамблей.

Однако наиболее важными для понимания деятельности человека в пещерах с настенными изображениями видятся манипуляции с кальцитовыми натеками, фрагменты которых фиксируются как в культурных слоях, так и на сохранившихся до сегодняшнего дня сталагмитах на поверхности залов некоторых карстовых полостей. Как полагают французские исследователи, умышленное разрушение в палеолитическую эпоху кальцитовых натеков – действие, следы которого часто встречается в пещерах Франко-Кантабрии [Baffier, Girard, 1998]. Так, в пещере Куньяк около двух панно (с изображениями мамонта, антропоморфной фигуры и геометрических знаков типа Плакар) были зафиксированы оббитыми почти у уровня пола сталагмиты, что, по мнению исследователей, возможно, облегчало доступ палеолитических художников и/или зрителей к стене с рисунками [Lorblanchet, 2004]. На полу пещеры Гран грот в Арси-сюр-Кюр также встречается множество сбитых сталагмитов. Однако самым ярким примером деятельности человека по разрушению кальцитовых натеков является натечный массив «Исповедальня», в центре которого в верхнем палеолите была проведена масштабная работа по скалыванию кальцита до поверхности известняковой стены пещеры. Освобожденное от натеков пространство использовалось для нанесения изображений [Baffier, Girard, 1998, p. 62].

Другим выразительным результатом скалывания кальцитовых натёков в Гран грот является естественная комбинация кальцитового натека и геологических конкреций, отчетливо воспроизводящая женский силуэт граветтийских венер. На уровне груди и бедрах зафиксированы следы красной охры. В нижней части этого объекта в палеолитическое время был частично сколот кальцит для более выразительной демонстрации знака пола.

Особенно следует отметить пещерные памятники, в культурных слоях которых встречаются намеренно отбитые кальцитовые натёки. Так, в пещере Мулен-де-Лагенэ в граветтийском слое, исследованном на площади 6 м², под рисунками помимо двух очагов, трех каменных орудий и 156 упавших фрагментов скального потолка зала с остатками рисунков были зафиксированы расположенные достаточно компактно – на одном квадрате, а также в очагах – сбитые сталактиты (в основном соломинки) [Mélard et al., 2010].

Фрагменты сталактитов, найденные в культурном слое, делятся на два вида. Три обломка больших сталактитов (длиной 74, 70 и 46 мм, диаметром от 10 мм в нижней части до 30 мм в верхней) и более 20 фрагментов небольших сталактитов-«соломок» (длиной от 43 до 9 мм, со средним диаметром 7 мм). Обнаруженные в культурном слое сталактиты не встречаются в том отделе пещеры, где производились работы. По всей видимости, эти натечные образования были сбиты или собраны в других частях пещеры. Особенностью подавляющего большинства соломинок были незакупоренные внутренние полости натеков. Исходя из наличия внутренних полостей у сталактитов, характера сломов и существования на некоторых экземплярах прорезанных пазов, исследователи пещеры предположили, что кроме изобразительной деятельности на изученной площади производились начальные операции по изготовлению украшений. Например, пронизок, окончателная выделка которых происходила уже, по всей видимости, вне пещеры [Mélard et al., 2010, p. 676–679].

В пещере Коске зафиксированы многочисленные сталагмиты, сломанные или обломанные в эпоху верхнего палеолита. Наиболее крупные из обломанных сталагмитов имеют на своих вершинах следы использования древесного угля. Исследователи памятника полагают, что это может свидетельствовать об использовании таких фрагментов сталагмитов в качестве своего рода подставок для освещения залов или приготовления красочных пигментов [Clottes et al., 2005a]. Ж. Клотт пишет, что сломанные и обломанные сталактиты и сталагмиты были обнаружены во многих местах пещеры Коске. Однако, с его точки зрения, это не было ни проявлением вандализма, ни уничтожением натечных образований ради облегчения передвижения в залах, так как большинство разрушенных сталактитов и сталагмитов находятся в таких местах, где они не могли стать препятствием на пути. В большинстве случаев обломки от кальцитовых натеков, оставшихся на прежнем месте, не были найдены. Кроме того, коллектив исследователей тщательно изучил сталагмиты и сталактиты, которые находятся высоко над полом пещеры и были недоступны для палеолитических людей (нет ни одного следа деятельности человека, в том числе нет древесного угля). Так вот эти натеки не были нарушены, а это, в свою очередь, доказывает, что обломанные и сломанные сталактиты и сталагмиты не могли быть разбиты в силу естественных причин, например, таких как землетрясения [Clottes et al., 2005b].

В пещере Тюк д'Одубер известно несколько мест, где концентрируются обломки кальцитовых натеков, принесённые из других отделов пещеры. Порой рядом с пунктами концентрации обломков сталактитов и сталагмитов зафиксированы отпечатки ног палеолитических людей и модифицированные человеком черепа или кости пещерных медведей [Житнев, 2000; Béguën et al., 2009]. С другой стороны, отмечаются следы ног человека и у разрушенных сталагмитов, сломанные части которых были унесены. Иногда сталагмиты забирали вместе с натеком-подошвой, на которой и развивался натек. Отдельные фрагменты сталактитов намеренно помещались в небольшие ниши или трещины стен залов пещеры. Одним из наиболее ярких объектов является структура площадью 0,25 м² из десятка сталактитов-фистул (соломинок) и двух скатанных из глины «колбасок», расположенных вертикально в ямке, выкопанной пальцами [Béguën et al., 2009, p. 284–287].

Кроме того, внимание исследователей Тюк д'Одубер привлекает (схожая с обнаруженными в пещере Ла Гарма, Нижняя галерея) структура, представляющая собой своего рода ограду из преднамеренно уложенных и соединенных между собой блоков конкреций и кальцитовых натеков. В Тюк д'Одубер ограда локализует нишу с единичными настенными изображениями – один из пунктов жизнедеятельности палеолитического человека.

Капова пещера

Начиная с 2008 г. в Каповой пещере проводит исследования Южно-Уральская археологическая экспедиция МГУ под руководством автора. Они являются продолжением исследований О.Н. Бадера и В.Е. Щелинского [Бадер, 1965; Щелинский, 1996].

В 2009–2013 гг. членам экспедиции удалось зафиксировать в шурфе около Западной ниши Купольного зала свидетельства многочисленных посещений человеком Каповой пещеры в разные исторические и геологические эпохи [Житенев, 2011; 2012а, б].

В связи с рассматриваемой проблематикой особый интерес представляет рельефный выступ скалы с кальцитовыми натёками под настенными изображениями Восточного панно в зале Рисунков. Скальный выступ ограничен сверху достаточно мощной наклонной трещиной, а с севера (слева) – небольшой вертикальной трещиной и частично перекрыт кальцитовыми натёками. Общая форма выступа и натёков напоминает зооморфный образ лошади (?) в профиль слева. Впервые на этот выступ обратил внимание А.В. Рюмин, по свидетельству которого «краска охра местами сохранилась на теле лошади и выделяет рисунок (в данном случае – зооморфный участок стены от окружающей скальной поверхности. – В.Ж.)... Краска сохранилась плохо» [Рюмин..., 2009, с. 40]. Сегодня красочный пигмент на этом скальном выступе визуальнo не фиксируется.

Зооморфные черты выступу придают следующие детали. Условный верхний контур шеи, спины и крупа совпадает с направленной вниз линией скального выступа и наклонной трещины. Контур головы и, в меньшей степени, линии гривы, длинной шерсти на туловище, хвоста, а также, возможно, ног образованы кальцитовыми натёками, в основном гребенчатыми (общим числом не менее 18). Линия груди – живота, скошенная спереди назад и сверху вниз, составлена скальным выступом и вертикальной трещиной. Морда (вид анфас) сформирована достаточно мощным кальцитовым натёком со следами подправки – сколов. В настоящее время это единственный в Каповой пещере естественный рельеф с предполагаемыми следами обработки.

Обнаружены несколько новых пунктов распространения культурных остатков на обоих доступных этажах Каповой пещеры.

В зале Рисунков открыт новый участок распространения культурного слоя в непосредственной близости от настенных изображений Восточного панно. В рекогносцировочном шурфе (кв. ы-11) исследуется культурный слой с большим содержанием красной охры, а также древесных углей и фрагментов обломанных кальцитовых натёков. Подавляющее большинство натёков представлено фрагментами соломинок, причем большая их часть – либо проксимальными фрагментами (ближайшими к точке прикрепления к потолку, базе начала роста сталактита), не имеющими сквозной полости, либо наиболее тонкостенными, часто сломанными, дистальными частями. Медиальные фрагменты соломинок (с хорошо проработанными внутренними полостями), за редким исключением, отсутствуют. Окончательные выводы до завершения изучения всей площади распространения культурных остатков на этом участке делать преждевременно, однако выявляемая картина имеет некоторое сходство с описанной ситуацией в пещере Мулен-де-Лагенэ.

В Купольном зале первого этажа Каповой пещеры открыто три пункта распространения культурных остатков, в двух пунктах вскрыты позднеплейстоценовые слои. В одном из них выявлены следы кратковременного посещения – работы палеолитического художника около глыбы известняка, на которой изображён парциальный рисунок животного [Житенёв, 2012а]. В то же время на другом участке (шурф на кв. Д-Е-7-8), изучение которого ещё не закончено, около Западной ниши, обнаружены свидетельства неоднократного посещения человеком пещеры в позднеплейстоценовое и голоценовое время [Житенев, 2012б].

В шурфе под первой в позднеплейстоценовом литологическом слое углистой прослойкой был изучен культурный слой, связанный с каменной вымосткой, которая представляет собой разной плотности скопление мелких, средних и крупных плиток и камней известняка, а также фрагментов кальцитовых натёков. Мощность культурного слоя, связанного с вымосткой, составляет от 5 до 12 см. Схожий по характеру и распространению культурных остатков слой³, в котором также было зафиксировано значительное количество камней (но не вымостка) и некоторое количество сколотых фрагментов кальцита, изучен в зале Знаков экспедицией В.Е. Щелинского [Щелинский, 1996].

Каменная вымостка в Купольном зале состояла из известняковых камней и плиток разной величины, а также из небольшого числа фрагментов кальцитовых натёков – сталагмитов и сталактитов.

титов. Размеры последних варьируются от больших (длина – 24 см, ширина – 7,8 см, высота – 4,5 см) до миниатюрных (длина – 2,3 см, ширина – 1,0 см, высота – 0,8 см). Натёков подобных типов в Купольном зале нет. По всей видимости, фрагменты натёков были отколоты или подобраны в других отделах пещеры и принесены к Западной нише Купольного зала в позднплейстоценовое время. В качестве «строительного» материала для вымостки использовались только три крупных фрагмента натёков. Остальные явно связаны с деятельностью человека относительно уже сооруженной каменной конструкции.

Непосредственно под каменной вымосткой появляется новая прослойка с большим содержанием древесных углей и крупинок охры, находящаяся на глубине от –59/–60 до –64/–65 см. При этом максимальное расстояние между культурными слоями (горизонтами) составляло более 2 см: камни вымостки располагались на стерильном тёмно-жёлтом суглинке, но уже через 1-2 см начинали появляться первые единичные культурные остатки (древесные угли и крупинки охры) следующего горизонта посещения.

Этот новый горизонт с культурными остатками – третий по счёту горизонт посещения позднплейстоценового времени – по составу, но не по количеству находок практически ничем не отличался (за рядом исключений) от культурных остатков, связанных с каменной вымосткой. Самым показательным исключением является несколько иной характер (количество и состав) фрагментов кальцитовых натёков, среди которых крупных уже не наблюдается.

Наиболее яркая находка в этом горизонте – один из фрагментов плитки кальцита. Он представляет собой скол края кальцитового натёка типа «гребешок» (тах длина – 4,4 см, тах ширина – 2,6 см, тах толщина – 0,7 см). Две боковые стороны несут явные следы скалывания. Верхняя и нижняя стороны, собственно гребешок и противолежащий край, оставлены необработанными. Внешний вид этого натёка визуалью имеет явное сходство с рукой человека или лапой животного (особенно верхние части гребешка, напоминающие семь пальцев – шесть расположенных рядом и один – противопоставленный). Следует отметить следы остатков слабой окрашенности (в некоторых местах) пигментом красного цвета (при этом сам натёк обнаружен в неокрашенной части культурного слоя). Кроме того, на «внешней» стороне натёка, в 1,5 см от нижней части предмета, заметна легкая залощенность/заполировка. По моему мнению, есть все основания предполагать, что этот натёк представляет собой не обычный скол, но некое изделие, созданное человеком с определённым визуальным смыслом, возможно, изображение руки или лапы. Однако утверждать до появления серии аналогичных изделий, что это образец искусства малой формы, нельзя.

При промывке вмещающей породы того же сектора был извлечен второй фрагмент аналогичной плитки натёчного образования (кальцита). Он представляет собой также скол края кальцитового натёка типа «гребешок» (тах длина – 4,6 см, тах ширина – 2,5 см, тах толщина – 0,7 см). Лишь одна из боковых сторон кальцитового натёка имеет явные следы скалывания. Верхняя и нижняя стороны, собственно гребешок и противолежащий край, оставлены необработанными. В отличие от описанного натёка этот практически лишён верхней части гребешка, поэтому совершенно не похож ни на руку, ни на лапу, ни на что-либо другое. Следов окрашенности не наблюдается.

При анализе и сравнении этих двух плиток выяснилось, что они представляют собой две части одного намеренно расколотого во время образования горизонта фрагмента плитки натёка (кальцита). Судя по прямым и косвенным данным, намеренное раскалывание этого натёка имело цель получить предмет с определёнными визуальными характеристиками.

На глубине около –64/–65 см зафиксирован следующий горизонт сгущения культурных остатков (древесных углей, охры и мелких фрагментов костей), обнаруженных в шурфе №1. Это четвёртый горизонт посещения позднплейстоценового времени. Культурные остатки представлены единичными древесными углями, фрагментами кальцитовых натёков, крупинками, небольшим скоплением красной охры, тремя небольшими золистыми пятнами и остатками не крупных органических предметов. Яркой находкой в описываемом горизонте стал обработанный фрагмент кальцитового натёка в виде ребристой пластины (длина – 7,5 см, тах ширина – 2,3 см, высота – 0,9 см), найденный в слое рядом с камнем, покрытым охрой. Спинка предмета не обработана и сохраняет фактуру внешней стороны натёка. Брюшко гладкое – является результатом скалывания. Участок вентральной ретуши (с брюшка) отмечен по одной стороне. Видна ретушь со спинки на верхнем конце предмета.

В нижележащих горизонтах № 5–7 посещения палеолитического времени также зафиксированы принесенные из других залов фрагменты кальцитовых натечков. Однако никаких изделий из них не обнаружено. Следует подчеркнуть, что в прослойках, разделяющих горизонты посещения, никаких фрагментов кальцита не найдено.

Кроме того, в нише, расположенной на высоте около 5 м над современным уровнем пола в северо-западном углу Купольного зала, случайно была обнаружена чашечка, изготовленная из кальцита [устное сообщение нашедшего ее А.К. Солодейникова].

Заключение

Комплексный подход к изучению памятников сегодня является основой большинства археологических исследований. Например, развивается направление по датированию кальцитовых натечков для определения возраста настенных изображений [Pike et al., 2012]. Известны работы по изучению кальцита, позволяющие обосновать сезонное посещение пещер с настенными изображениями и сезонность художественной деятельности [Genty et al., 1997].

Широкое и разностороннее использование кальцитовых натечков в пещерах с рисунками верхнепалеолитического времени надежно задокументировано на многих европейских памятниках. Сталактиты, сталагмиты и другие формы натечков регулярно использовались для создания настенных изображений, изготовления украшений, оградок, предметов (в том числе жировых ламп) и орудий труда (в том числе «пестиков» из сталактита для измельчения охры, как в Арси-сюр-Кюр).

Использование кальцитовых натечков в Каповой пещере в верхнем палеолите с учетом специфики памятника позволяет провести прямые аналогии между развитием монументального палеолитического искусства в пещерах Франко-Кантабрийской зоны. Среди их общих черт выделяются следующие:

- использование кальцитовых натечков как особенностей рельефа стены в художественной деятельности;
- разрушение/сбивание и/или собирание кальцитовых натечков в разных отделах пещер;
- перенос отбитых и/или подобранных фрагментов натечков из одних отделов пещер в другие и их использование;
- использование крупных фрагментов кальцитовых натечков для создания искусственных конструкций;
- использование фрагментов кальцита для изготовления разнообразных предметов, в том числе орудий и ёмкостей для смешивания краски (и жировых ламп);
- использование фрагментов кальцита для создания визуальных объектов, а также украшений.

Одними из наиболее сложных для нашего понимания практик остаются сбор мондмилых, разрушение кальцитовых натечков и их перемещение в другие отделы пещеры и за её пределы. Ж. Клотт с коллегами полагают, исходя из широкого круга этнографических и письменных источников, что в ряде случаев кальцитовые натечки могли измельчаться (вероятно, вне пещер) в порошок для дальнейшего использования, как и мондмилых, в качестве лекарственных веществ. Самые древние письменные источники, сообщающие об употреблении мондмилых и порошков из сталактитов и сталагмитов в фармакологии Китая, датируются IV в. до н.э. [Clottes et al., 2005, p. 230]. Применение кальцитовых порошков (для лечения лихорадки, болезней сердца, для остановки кровотечений и т.д.) становится ограниченным в Европе только в XVIII в., а в Китае – в XIX. Французские исследователи полагают, что свидетельства сбора мондмилых, разрушения и перемещения из Коске кальцитовых натечков могут служить одним из древнейших примеров использования природных пещерных продуктов в качестве лекарственных средств [Clottes et al., 2005, p. 226-231].

Капова пещера до сих пор является объектом особого отношения со стороны значительного числа жителей региона. А кальцит, пещерную глину и некоторые другие природные продукты выносили из пещеры до последнего времени для использования в качестве лекарственных средств, пока проход в основные залы не был полностью запрещен. Поэтому предположение французских исследователей о фармакологическом использовании мондмилых и кальцитовых натечков в верхнем палеолите вполне оправданно, как и экстраполяция этой идеи на одно из направлений деятельности человека позднплейстоценового времени в Каповой пещере.

Однако практика широкого использования натечков позволяет предполагать, что этот материал не имел в представлении палеолитического человека каких-либо особенных, исключительно са-

кральных или символических, свойств и применялся в зависимости от необходимости в самых разных целях.

Следует подчеркнуть, что не только стиль изображений, репертуар образов и многочисленные примеры использования рельефа и топографических особенностей карстовых полостей для нанесения рисунков генетически связывают палеолитические пещерные памятники Франко-Кантабрии с Каповой пещерой. Близкими видятся и многие направления деятельности верхнепалеолитических групп населения в пещерах с настенными изображениями Западной Европы и Южного Урала, в частности, практики использования кальцитовых натечков.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 13-06-00277.

² Чаще всего из разных типов кальцитовых натечков использовались следующие: сталактиты (образования, нарастающие на своде), сталагмиты (образования, нарастающие на полу), сталагматы (колонны из сросшихся сталактита и сталагмита), соломинки (или макаронины – трубчатые тонкостенные, как правило, полые сталактиты небольшого диаметра), натечные коры, мондмилх (белая однородная пластичная вязкая масса карбонатного состава, как правило, расположенная на стенах и полу карстовых пещер).

³ Исходя из анализа древесного угля получены следующие даты: 14680±150 л.н. (JIE-3443), 13930±300 л.н. (ГИН-4853), 15050±100 (KN-5022), 16010±100 (KN-5023) [Scelinsky, Sirokov, 1998, p. 73].

Библиографический список

Абрамова З.А. Древнейший образ человека: каталог по материалам палеолитического искусства Европы. СПб., 2010.

Бадер О.Н. Капова пещера. М., 1965.

Житенев В.С. Культ медведя в палеолите Европы: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

Житенев В.С. Антропологические материалы из южно-уральских памятников с настенными изображениями: к постановке проблемы // Палеолит и мезолит Восточной Европы: сб. статей в честь 60-летия Х.А. Амирханова. М., 2011.

Житенев В.С. Новые исследования свидетельств художественной деятельности в Каповой пещере // Краткие сообщения Института археологии (КСИА). М., 2012а. Вып. 227.

Житенев В.С. Капова пещера – многослойный памятник археологии: предварительное сообщение // Первобытные древности Евразии: К 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. М., 2012б.

Рюмин Александр Владимирович: История открытия палеолитической живописи пещеры Шульган-Таш (Каповой) в рукописях и документах. Уфа, 2009.

Щелинский В.Е. Некоторые итоги и задачи исследований пещеры Шульган-Таш (Каповой). Уфа; СПб., 1996.

Baffier D., Girard M. Les caverns d'Arcy-sur-Cure. Paris, 1998.

Balbín Behrmann R. de, Alcolea González J.J., Moure Romanillo A., González Pereda M.A. Recherches dans le massif d'Ardines: nouvelles galeries ornées de la grotte de Tito Bustillo // L'Anthropologie. 2002. 106.

Bégouën R., Fritz C., Tosello G., Clottes J., Pastoors A., Faist F. Le sanctuaire secret des bisons. Il y a 14 000 ans dans la caverne du Tuc d'Audoubert. Paris, 2009.

Clottes J. Cave art. London; New York, 2008.

Clottes J., Courtin J., Vanrell L. Cosquer redécouvert. Paris, 2005a.

Clottes J., Courtin J., Vanrell L. Prehistoric images and medicines under the sea // INORA (International Newsletter on Rock Art). 2005b. № 42.

Genty D., Dauphin Y., Deflandre G., Quinif Y. Exemples de particules d'origine anthropique piégées dans les lamines de croissance de stalagmites – Intérêt pour la reconstitution des environnements humains anciens // Quaternaire. 1997. Vol. 8, № 2–3.

Lemozi A. Le Combel de Pech-Merle, commune de Cabrerets (Lot) et ses nouvelles galeries // Bulletin de la Société préhistorique de France. 1952. Vol. 49, N. 7.

Lorblanchet M. L'art préhistorique du Quercy. Édition Loubatières, 2004.

Mélard N., Pigeaud R., Primault J., Rodet J. Gravettian painting and associated activity at Le Moulin de Laguenay (Lissac-sur-Couze, Corrèze) // Antiquity. 2010. Vol. 84, № 325.

Ontañón R., Arias P. Decorated plaquettes from Magdalenian habitation floors in the Lower Gallery at La Garma (Cantabria, Spain), Pleistocene art of the world: Actes du Congrès IFRAO. Tarascon-sur-Ariège, septembre 2010 // J. CLOTTE (dir.). Symposium «Art mobilier pléistocène». N° spécial de Préhistoire, Art et Sociétés, Bulletin de la Société Préhistorique Ariège-Pyrénées, LXV-LXVI, 2010–2011, 2012.

Pigeaud R. Les rituels des grottes ornées: rêves de préhistoriens, réalités archéologiques // Chasseurs-cueilleurs: comment vivaient nos ancêtres du Paléolithique supérieur (Actes du colloque international 'Restituer la vie quotidienne au Paléolithique supérieur', Lyon 16-18 mars 2005) / S. A. de Beaune. Paris, 2007.

Pike A.W.G., Hoffmann D.L., Garcia-Diez M., Pettitt P.B., Alcolea J., de Balbin R., Gonzalez-Sainz C., de las Heras C., Lasheras J.A., Montes R., Zilhao, J. U-series dating of Palaeolithic art in 11 caves in Spain // *Science*. 2012. Vol. 336, № 6087.

Scelinsky V.E., Sirokov V.N. Höhlenmalerei im Ural: Kapova und Ignatievka. Die altsteinzeitlichen Bilderhöhlen im südlichem Ural. Sigmaringen, 1998.

White R. Systems of Personal Ornamentation in the Early Upper Palaeolithic: Methodological Challenges and New Observations // *Rethinking the Human Revolution: New Behavioural and Biological Perspectives on the Origin and Dispersal of Modern Humans* / Eds P. Mellars, K. Boyle, O. Bar-Yosef, C. Stringer. Cambridge, 2007.

Дата поступления рукописи в редакцию 28.02.2014

USE OF CALCITE IN EUROPEAN PALEOLITHIC MURALED CAVE MONUMENTS

V. S. Zhitenev

Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
macober@mail.ru

The article describes ways of using calcite speleothems in the Upper Paleolithic Franco-Cantabrian and Southern Urals muraled caves. The author describes artistic applications of such materials as stalactites, stalagmites, stalagnates and moonmilk. High emphasis is put on the practice of using knocked down fragments of calcite speleothems found on the floor of caves or in their cultural layers. The author shows that the use of calcite speleothems was similar in the Upper Paleolithic monuments, such as the Franco-Cantabrian cave art sites and Kapova cave (though with some peculiar features of the monuments). Six main ways of using calcite speleothems are described: the use of them as features of walls in art activities; destruction/knocking down and/or picking up calcite speleothems in different parts of the caves; transfer and use of knocked down and/or selected fragments from one part of the cave to another; the use of large pieces of calcite sinters to create artificial structures; the use of calcite fragments for making a variety of items including guns and tanks for mixing paints (and fat-burning lamps); the use of calcite fragments to create visual objects and jewelry.

The extensive use of calcite speleothems suggests that the material played no particularly sacred or symbolic role for a Paleolithic man and, on the contrary, was used for a variety of everyday human needs. Many features of Paleolithic ways of life, particularly the development of practices of using calcite speleothems, were similar for the inhabitants of cave art sites in Western Europe and the Southern Urals.

The research was supported by RFBR grant 13-06-00277.

Key words: the Upper Paleolithic, cave art, calcite speleothems, Franco-Cantabria, Kapova cave.

References

- Abramova Z.A.* Drevneyshiy obraz cheloveka: Katalog po materialam paleoliticheskogo iskusstva Evropy. SPb., 2010.
- Bader O.N.* Kapova peshchera. M., 1965.
- Zhitenev V.S.* Kul't medvedya v paleolite Evropy: diss. ... kand. ist. nauk. M., 2000.
- Zhitenev V.S.* Antropologicheskie materialy iz yuzhno-ural'skikh pamyatnikov s nastennymi izobrazheniyami: k postanovke problemy // *Paleolit i mezolit Vostochnoy Evropy: sb. statey v chest' 60-letiya Kh.A. Amirkhanova*. M., 2011.
- Zhitenev V.S.* Novye issledovaniya svidetel'stv khudozhestvennoy deyatel'nosti v Kapovoy peshchere // *Kratkie soobshcheniya Instituta arkeologii (KSIA)*. M., 2012a. Vyp. 227.
- Zhitenev V.S.* Kapova peshchera – mnogoslounnyy pamyatnik arkeologii: predvaritel'noe soobshchenie // *Pervobytnye drevnosti Evrazii: K 60-letiyu Alekseya Nikolaevicha Sorokina*. M., 2012b.
- Ryumin Aleksandr Vladimirovich:* Istoriya otkrytiya paleoliticheskoy zhivopisi peshchery Shul'gan-Tash (Kapovoy) v rukopisyakh i dokumentakh. Ufa, 2009.
- Shchelinskiy V.E.* Nekotorye itogi i zadachi issledovaniy peshchery Shul'gan-Tash (Kapovoy). Ufa; SPb., 1996.
- Baffier D., Girard M.* Les caverns d'Arcy-sur-Cure. Paris, 1998.
- Balbín Behrmann R. de, Alcolea González J.J., Moure Romanillo A., González Pereda M.A.* Recherches dans le massif d'Ardines: nouvelles galeries ornées de la grotte de Tito Bustillo / *L'Anthropologie*, 106. 2002. P. 565-602.
- Bégouën R., Fritz C., Tosello G., Clottes J., Pastoors A., Faist F.* Le sanctuaire secret des bisons. Il y a 14 000 ans dans la caverne du Tuc d'Audoubert. Paris, 2009.
- Clottes J.* Cave art. London, N-Y, 2008.
- Clottes J., Courtin J., Vanrell L.* Cosquer redécouvert. Paris, 2005a.
- Clottes J., Courtin J., Vanrell L.* Prehistoric images and medicines under the sea / *INORA (International Newsletter on*

Rock Art), № 42, 2005b. P. 1-8.

Genty D., Dauphin Y., Deflandre G., Quinif Y. Exemples de particules d'origine anthropique piégées dans les lamines de croissance de stalagmites - Intérêt pour la reconstitution des environnements humains anciens / Quaternaire, Vol. 8, № 2-3, 1997. P. 149-157.

Lemozi A. Le Combel de Pech-Merle, commune de Cabrerets (Lot) et ses nouvelles galeries / Bulletin de la Société préhistorique de France, tome 49, N. 7, 1952. P. 320-326.

Lorblanchet M. L'art préhistorique du Quercy. Édition Loubatières, 2004.

Mélard N., Pigeaud R., Primault J., Rodet J. Gravettian painting and associated activity at Le Moulin de Laguenay (Lissac-sur-Couze, Correze) / Antiquity, t. 84, № 325, 2010. P. 666-680.

Ontañon R., Arias P. Decorated plaquettes from Magdalenian habitation floors in the Lower Gallery at La Garma (Cantabria, Spain) / CLOTTE J. (dir.), L'art pléistocène dans le monde / Pleistocene art of the world / Arte pleistoceno en el mundo, Actes du Congrès IFRAO, Tarascon-sur-Ariège, septembre 2010, Symposium «Art mobilier pléistocène». N° spécial de Préhistoire, Art et Sociétés, Bulletin de la Société Préhistorique Ariège-Pyrénées, LXV-LXVI, 2010-2011, CD: p. 1393-1410. 2012.

Pigeaud R. Les rituels des grottes ornées: rêves de préhistoriens, réalités archéologiques, in Sophie A. de Beaune (ed.) Chasseurs-cueilleurs: comment vivaient nos ancêtres du Paléolithique supérieur (Actes du colloque international 'Restituer la vie quotidienne au Paléolithique supérieur', Lyon 16-18 mars 2005), Paris, 2007. P. 161-70.

Pike A.W.G., Hoffmann D.L., Garcia-Diez M., Pettitt P.B., Alcolea J., de Balbin R., Gonzalez-Sainz C., de las Heras C., Lasheras J.A., Montes R., Zilhao J. U-series dating of Palaeolithic art in 11 caves in Spain / Science, vol. 336, № 6087, 2012. P. 1409-1413.

Scelinsky V.E., Sirokov V.N. Höhlenmalerei im Ural: Kapova und Jgnatievka. Die altsteinzeitlichen Bilderhöhlen im südlichem Ural. Sigmaringen, 1998.

White R. Systems of Personal Ornamentation in the Early Upper Palaeolithic: Methodological Challenges and New Observations / Mellars P., Boyle K., Bar-Yosef O., Stringer C. (eds.) Rethinking the Human Revolution: New Behavioural and Biological Perspectives on the Origin and Dispersal of Modern Humans. Cambridge, 2007. P. 287-302.